Нин Хао слегка опешил, а затем холодно усмехнулся:

— Её дела меня не касаются.

Гу Янь с удивлением посмотрел на него. Перемены в характере Нина Хао застали его врасплох. В его памяти Нин Хао всегда был марионеткой в руках Цзян Фаньцю, неспособной даже пошевелиться без её разрешения.

Нин Хао сел на стул, рассеянно глядя в окно:

— Передайте, пожалуйста, Юньфаню, что в будущем Нин Момо будет единственной наследницей семьи Нин.

Гу Янь улыбнулся:

— Юньфань не придаёт этому значения. Он просто хочет, чтобы ребёнок рос здоровым.

Нин Хао кивнул:

— Именно поэтому я хочу оставить ребёнка под его опекой на два года. Когда время придёт, я заберу Момо обратно.

Гу Янь слегка нахмурился, взгляд его стал более проницательным:

— Нин Хао, ты знаешь, что твоя мать хочет разорвать все связи с Юньфанем? Как насчёт отношений семьи Нин с Нин Момо?

Нин Хао посмотрел на него с недоумением:

— Как вы об этом узнали?

Гу Янь сел напротив него, покрутив кольцо на среднем пальце.

Хотя Нин Хао был шокирован тем, что Гу Янь и Шэнь Юньфань превратили игру в реальность, он не имел права вмешиваться. Если бы он действительно был шурином, возможно, он смог бы что-то сказать. Но сейчас Шэнь Юньфань смотрел на него, как на грязь, и он не был настолько глуп, чтобы не заметить этого. Слова Гу Яня позволили ему догадаться, что его мать снова что-то натворила. Всю жизнь он находился под её контролем, никогда не имея возможности свободно вздохнуть.

— Господин Гу, говорите прямо.

Гу Янь, видя, что Нин Хао наконец начал думать здраво, не стал ходить вокруг да около:

— У Юньфана есть несколько фотографий, которые сейчас находятся у твоей матери, но, думаю, теперь они уже у Лянь Кайчэна. Мне всё равно, как ты это сделаешь, но мне нужны оригиналы этих снимков.

Нин Хао промолчал. Гу Янь знал, что он ждёт предложения. Он вынул из кармана флешку и протянул её Нину Хао:

— Будешь ли ты принимать эту награду, зависит только от тебя.

Нин Хао крепко сжал флешку в руке. Гу Янь, не говоря лишнего, развернулся и ушёл, на губах

его играла холодная усмешка. Его «подарок» был слишком тяжёл для Нина Хао, и вскоре тому придётся просить о пощаде. Если у Цзян Фаньцю хватило смелости связываться с Шэнь Юньфанем, то у Гу Яня хватит умения держать её любимого сына на коротком поводке. Как говорил Гу Циншань, его сын может быть не выдающимся во всём, но его деловая хватка вызывает зависть. Поэтому, ведя дела с Гу Янем, нужно быть начеку. Нин Хао и близко не мог быть ему ровней.

Нин Момо была слаба, спала больше, чем бодрствовала, и Шэнь Юньфань, ухаживая за ней, сильно похудел. Гу Янь, сжалившись, отвёз его в отель, чтобы тот отдохнул, и сердце его сжималось от боли. Шэнь Юньфань улыбнулся ему:

— Гу Янь, теперь я понимаю, почему Лянь Кайчэн не может тебя отпустить.

Гу Янь: «…»

Для таких, как они, человек, который любит их всей душой, — это легенда, несбыточная мечта. Лянь Кайчэн был привязан именно к этой стороне Гу Яня. Никто не может быть совершенным, ни Гу Янь, ни Шэнь Юньфань. Шэнь Юньфань не обращал внимания на прошлое Гу Яня. Только эти печальные события сделали его таким глубоко чувствующим человеком. Любовь Гу Яня никогда не была пустыми словами. Он молча защищал его, держал за руку. Шэнь Юньфань шёл по жизни один, и, встретив эти сильные руки, он не мог просто отпустить их.

Шэнь Юньфань перевернулся, оказавшись сверху, и поцеловал Гу Яня:

— Гу Янь, на твой день рождения я подарю тебе что-то особенное.

Гу Янь погладил его по голове, понимая, что он имеет в виду, и, притянув его к себе, долго целовал, прежде чем хрипло прошептать:

— Хорошо!

Гу Янь сидел у окна, слегка покачивая бокал вина, но его взгляд не отрывался от входа в ресторан. Он ждал, и вскоре тот, кого он ждал, войдёт в его ловушку. Он потратил десять лет, готовясь к этому дню. Боковые ветви семьи Лянь были запутаны, и по сравнению с корпорацией Гу они представляли собой настоящий мышиный угол, где происходили вещи, которые не снились даже в дешёвых сериалах.

На улице остановился чёрный Cadillac, и Гу Янь, заметив это, напрягся. Из машины вышел седовласый мужчина средних лет, за ним последовал слегка полноватый мужчина лет тридцати. Пожилой человек, сделав несколько шагов, вдруг поднял голову и посмотрел прямо в сторону Гу Яня. Стекло ресторана было специально обработано, и снаружи невозможно было увидеть, что происходило внутри. Гу Янь усмехнулся. Лянь Кайго всё ещё в форме!

Когда Лянь Кайго вошёл, Гу Янь встал и вежливо пожал ему руку:

— Старший брат Лянь.

Когда Лянь Кайчэн взял бразды правления корпорацией Лянь, это было время его расцвета. Он был в самом расцвете сил, и хотя в его манерах чувствовалась некоторая надменность, он всё же оставался открытым человеком. Но теперь Лянь Каго, не считая седых волос, выглядел совершенно иначе. В его глазах читалась тьма, и десять лет, проведённые в тюрьме, явно не прошли для него бесследно. Мужчина, стоявший позади, по внешности не был похож на братьев Лянь, но Гу Янь не стал бы недооценивать его. Хотя дядя Лянь когда-то был

неудачником, его сын был настоящим волком в овечьей шкуре, скрывающим кинжал за улыбкой.

Лянь Кайго похлопал Гу Яня по руке и сел подальше от окна. Лянь Кайсин с улыбкой пожал руку Гу Яню и тихо сказал:

— Старший брат в последнее время стал подозрительным.

Гу Янь поднял бровь, не проявляя особого интереса к его нарочитой дружелюбности:

— Как поживает ваш дядя?

Лянь Кайсин не смутился. Его отец, который никогда не мог подняться, был темой, о которой лучше не упоминать. Лянь Кайсин сел напротив Гу Яня, а тот, распорядившись насчёт обслуживания, снова занял своё место.

Лянь Кайго действительно изменился в своих манерах. Он молча сел, и Гу Янь налил ему вина, которое тот выпил залпом. Лянь Кайсин поспешил передать ему чай:

— Старший брат, не торопись, подожди, пока подадут еду.

Лянь Кайго внутренне усмехнулся. За десять лет, проведённых в тюрьме, его братья не проявили к нему ни капли заботы. Теперь, когда он вышел, все вдруг стали активными. Гу Янь молча налил ему ещё вина и без слов чокнулся с ним. Ему не были интересны дела семьи Лянь. Он просто хотел, чтобы Лянь Кайчэн отправился в Африку копать песок и больше никогда не портил ему и Шэнь Юньфаню жизнь.

Еда, заранее заказанная Гу Янем, была подана быстро. Лянь Кайго молча наелся, а когда опустил палочки, Лянь Кайсин ещё не успел съесть и половины.

— Сколько акций корпорации Лянь у тебя?

Гу Янь ответил прямо:

— Десять процентов.

Лянь Каго, что было для него редкостью, проявил эмоции:

— Эти бездари!

Лянь Кайсин скрыл привычную улыбку и молча сидел рядом, как фон. Лянь Каго посмотрел на него с сарказмом:

— Когда меня свергли, я думал, что твой отец сможет удержать власть. Но в итоге этот щенок всё же пролез!

Лянь Кайсин, как бы извиняясь, налил ему вина:

— У моего отца голова как каша, он ничего не понимает.

Лянь Каго глубоко вздохнул и холодно посмотрел на Гу Яня:

— Я, может, и старый, но не бездарь. Я согласен с твоими условиями, но эти десять процентов я выкуплю.

Гу Янь, которому эти акции были не нужны, лишь хотел держать Лянь Кайчэна под контролем. Если акции не будут в руках Лянь Кайчэна, он продаст их кому угодно. Гу Янь отхлебнул вина, немного удивлённый заявлением Лянь Каго:

— У старшего брата Ляня есть новые козыри?

http://bllate.org/book/14964/1420606